

70 процентов – хорошо, 30 процентов – плохо

В КНР нашли простую формулу оценки исторической значимости Мао Цзэдуна.

Когда Хуа Гофэн, преемник Мао, назначенный еще им самим, и самый могущественный человек в Китае, вскоре после его смерти 9 сентября 1976 года отдал распоряжение об аресте «банды четырех», время «культурной революции» безвозвратно ушло в прошлое, и начался путь к беспрецедентному экономическому подъему, начало которому положил принцип «четырёх модернизаций». И хотя ради обеспечения необходимой для этого свободы действий партийному и государственному руководству Китая пришлось распрощаться с Великим Кормчим и его политикой, но всем было ясно, что фигура Мао Цзэдуна и впредь остается незаменимой для самоидентификации и консолидации Китайской Народной Республики, провозглашенной лишь в 1949 году. Поэтому вопреки существующим до сих пор утверждениям, что Мао Цзэдун желал кремации, и была спланирована постройка мавзолея в центре площади Тяньаньмэнь для забальзамированного тела Мао с его гигантским портретом.

Невзирая на разностороннюю критику, до сих пор преобладает признание заслуг Мао Цзэдуна. Немало и тех, кто объявил себя последователем критики капитализма Мао и его отстраненности от общего хода событий в мире. Наряду с вероятно самой многочисленной группой равнодушных есть и такие, кто ненавидит Мао, так как они ставят ему в вину беззаконие и страдания, обрушившиеся на них или их близких в течение минувших десятилетий. Но существуют и более взвешенные позиции. В среде образованных людей немало тех, кто агитирует за новое просвещение и новую духовность, ссылаясь при этом не столько на Маркса, Ленина и Мао, сколько на тех мыслителей и литераторов китайского прорыва к современности, имена которых связываются с традициями движения 4 мая, а наследие бережно хранится в условиях секретности, и требования которых далеко не удовлетворены.

*Существует
благоухающее и
дурнопахнущее
выделение газов. Не
стоит думать, что все
советское – благовонное*

Партийное и государственное руководство не в состоянии смело взяться за решение подобных вызовов из-за разделения мнений 70 к 30 и вынуждено занимать взвешенную позицию. Но каковы причины такой системной амбивалентности? Они кроются в особой архитектонике механизма власти в Китае, и их невозможно объяснить без учета затяжного характера процесса переговоров, имевших место до сих пор.

Когда Дэн Сяопин, высоко ценимый Мао, но одновременно от случая к случаю удерживаемый им в заданных рамках, вырос до самого могущественного человека Китая, он еще в 1978 году заявил, что заслуги и ошибки Мао находятся в соотношении 70 к 30, но с ним не поступят так, как в Советском Союзе со Сталиным, и сам поставил себя в ряды последователей Мао. Ведь тот в марте 1956 года сказал о Сталине: «Заслуги и ошибки Сталина находятся в соотношении 70 к 30». Через месяц на заседании Политбюро с оглядкой на внутрипартийные разногласия он же заявил о необходимости «предоставления всем возможности исправить свои ошибки». В отношении России, по его словам, необходимо также занять более тонкую позицию и не утверждать, что «нам нечему учиться у Советского Союза». Однако одновременно он подчеркнул, что не следует «прибегать к слепому копированию», а нужно придерживаться «аналитического подхода». «Существует благоухающее и дурнопахнущее выделение газов. Не стоит думать, что все советское выделение газов благовонное [...]. Нам следует учиться всему, что полезно. И у капитализма нам следует также учиться всему хорошему».

Спустя 20 лет, когда на повестке дня встал вопрос о том, чтобы поквитаться с Мао, в руководстве партии и государства тоже попытались применить «аналитический» подход. По поводу Большого скачка, вылившегося в массовый голод, жертвами которого стали почти 50 млн человек, Дэн Сяопин заявил следующее: «Большой скачок осуществлялся товарищем Мао Цзэдуном с чрезмерным воодушевлением, но разве этого нельзя сказать обо всех нас?» Немного позже, в 1981 году прозвучали слова: «Товарищ Мао Цзэдун был великим марксистом и великим пролетарским революционером, стратегом и теоретиком. Хотя во время культурной революции он совершил тяжелые ошибки, в целом его заслуги перед китайской революцией перевешивают их. Его заслуги, вне всякого сомнения, первичны, его ошибки – вторичны».

Но прежде всего сама партия, ощущающая себя элитой, не должна была рассчитывать на неременное понимание «массами» своего собственного видения, что было уже однажды сформулировано Мао с оглядкой на Сталина: «О некоторых вещах можно говорить не везде. О злых делах, совершенных Сталиным и Третьим Интернационалом, можно говорить до уровня секретарей областных комитетов [...]. Мы не намерены распространяться об этом в газетах или массовых выступлениях». Потому и дух почитания, к которому взывает мавзолей, сооруженный из материалов со всех частей страны и установленный в центре площади Врат Небесного Спокойствия, должен поддерживаться и поныне. Внутри, у изголовья саркофага сверкает эпитафия «Вечная слава Великому Кормчему и Учителю, Председателю Мао!»

*Неопровержимым
остается одно:
руководители
государства не должны
выпускать из своих рук
суверенное право на
толкование наследия
Мао и его культа*

Ведь двойственность регионов в отношении любого централизма, сдержанность в вопросе слишком могущественного центра продолжают жить. В условиях отсутствия надежных устоев практически не существует другой главной фигуры или инстанции, на которой могли бы сойтись во мнениях представители нынешней политической системы, кроме фигуры ее основателя, даже несмотря на всю свою противоречивость. Еще у стены демократии в 1978–1979 годах кроме осуждений или славословий в адрес Мао Цзэдуна звучали и более трезвые голоса, в частности анонимного железнодорожника, мнение которого было датировано 22 ноября 1978 года: «Председатель Мао был великим вождем китайского народа и большой фигурой в истории Китая. Однако признание его заслуг не означает, что у него не было и ошибок». Потому неопровержимой истиной остается то, что руководители государства не должны выпускать из своих рук суверенное право на толкование наследия Мао и его культа, дабы избежать как минимум опасности превращения его во вдохновителя движения, направленного против существующих условий в стране. При этом двойственность фигуры Мао требует особой бдительности. Когда художник Чжан Хонгту в коллаже (акрил, полотно, 1989 год) в копии «Тайной

вечери» Леонардо да Винчи заменил все головы на картине головами Мао Цзэдуна, выразив тем самым свой протест против жестокого подавления выступлений 4 июня 1989 года, возможность прочтения в этом контексте слов из Евангелия от Матфея, глава 26, стих 21: «Один из вас предаст Меня» как «Мао предается Мао» была направлена против партийного руководства. Тем самым фигура Мао Цзэдуна противопоставлялась политической ситуации во времена сосредоточения власти в руках Дэн Сяопина. Все это, а также то обстоятельство, что Мао может стать опасным для нынешнего политического руководства, способствует сохранению риторики по принципу 70 к 30. Снова идут поиски китайского пути. Когда Си Цзиньпин в сентябре 2015 года, а затем еще неоднократно высказывался в пользу продолжения борьбы за революционные идеалы, ибо они «выше неба» и «поколение за поколением должны бороться за них», он тем самым напрямую позаимствовал это у Мао Цзэдуна, остающегося и поныне кодом надежды на будущее и катастрофой одновременно. Отмена принципа «железной тарелки риса» времен правления Мао Цзэдуна его преемниками не означает, что партия снимает с себя ответственность за обеспечение социальной стабильности. При этом продолжаются поиски ощущения общности по ту сторону партии на институциональном, а также укрепившемся в общественном сознании общегосударственном уровне. И при всех преступлениях против человечности Мао Цзэдуна большинство биографов сходятся на том, что его жизнь невозможно «свести к одному-единственному измерению». А потому в Китае и впредь его заслуги и промахи будут оцениваться в соотношении 70:30.

Хельвиг Шмидт-Глинтцер

Проф. д-р Хельвиг Шмидт-Глинтцер – китаист и директор
Тюбингенского центра по изучению Китая. Недавно, в 2017 году в
Берлине в издательстве Matthes & Seitz вышла в свет его книга: «Мао
Цзэдун. «И будет бой». Биография».

